

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОРЕФЛЕКСИИ В СТАНОВЛЕНИИ НОВОЙ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НАЧАЛЕ XX В.

© 2017 г. Е.А. Городницкий

*Центр исследований белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук
Беларуси, Минск, Республика Беларусь*

Дата поступления статьи: 17 декабря 2016 г.

Дата публикации: 25 марта 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-1-268-283

Аннотация: В статье рассматривается становление новой белорусской литературы в первые десятилетия XX в. и роль художественной саморефлексии в процессе осмысления писателями путей и перспектив развития национального словесного искусства. В этот период функции литературной критики и литературоведческих исследований в значительной степени исполняли художественные произведения. В произведениях зачинателей новой белорусской литературы содержались раздумья о природе литературного творчества, связи литературы с действительностью. В 1913 г. состоялась знаменательная дискуссия о соотношении в литературе социального и эстетического содержания. Выдающийся белорусский поэт Максим Богданович не принимал непосредственного участия в этой дискуссии, однако он ответил участникам дискуссии своим прозаическим произведением «Апокриф». Этот рассказ написан в форме притчи. В нем рассказывается о пришествии на землю Иисуса Христа. Христос отвечает на вопрос народного певца о том, необходимо ли его искусство простым крестьянам, которые тяжело трудятся в страдную пору. Красота так же необходима труженику, как и всем людям, говорит Христос. Художник не должен упрекать себя в безделии, ибо его труд необходим людям. Во многих произведениях классиков белорусской литературы: Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича и других авторов начала XX в. — происходит осмысление процесса творчества. В поэме Якуба Коласа «Сымон-музыкант» жизненный опыт художника расценивается как бесценное сокровище, которое подлежит художественному переосмыслению и трансформации. Перед белорусской классической литературой, сформировавшейся в начале XX в., стояла сложная задача соединения социальной направленности произведений с художественными поисками. Эта задача была довольно успешно решена и данный опыт полезен для нашего времени.

Ключевые слова: белорусская литература, художественная саморефлексия, творческий процесс, социальное и эстетическое.

Информация об авторе: Евгений Андреевич Городницкий — кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора, Институт литературоведения им. Янки Купалы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072 Минск, Республика Беларусь.

E-mail: jaharad@mail.ru

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

THE ROLE OF AUTHORIAL SELF-REFLECTION IN THE DEVELOPMENT OF THE NEW BELARUSIAN LITERATURE (EARLY 20TH CENTURY)

© 2017 E.A. Gorodnitsky

Center of Belarusian Culture Studies, Language and Literature National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

Received: December 17, 2016

Date of publication: March 25, 2017

Abstract: The essay focuses on the development of a new Belarusian literature in the early decades of the 20th century and the ways Belarusian writers reflected on the perspectives of the national literary development. During this period, literary works to some extent took on the functions of literary criticism and literary studies. The works of the founders of the new Belarusian literature contained ideas about the nature of creative writing and the relation of literature to reality. In 1913, there took place an important discussion on the correlation of the social and aesthetic content in literature. A prominent Belarusian poet Maxim Bogdanovich was not directly involved in this discussion but his prose piece “Apocrypha” was an indirect response to the discussants. This story is written in the form of a parable. It tells about Jesus Christ coming on earth. Christ answers the question of a folk singer whether his art may serve simple peasants who toil in the busy season. Working people need beauty like all the rest of us, says Christ. The artist should not reproach himself for idleness because his work serves people. In many other classical works by Yanka Kupala, Yakub Kolas, Maxim Bogdanovich, and other writers of the early 20th century, creative process too becomes a subject of self-reflection. The poem “Symon-Musician” by Yakub Kolas shows that the artist’s life experience is a priceless treasure, which is subject to artistic reflection and transformation. Belarusian classical literature that emerged in the early 20th century thus faced a difficult challenge; it had to outbalance the social orientation of literary works with artistic quests. This task was eventually solved and this experience remains actual and useful in our time.

Keywords: Belarusian literature, artistic self-reflection, creative process, the social and the aesthetic.

Information about the author: Evgeny A. Gorodnitsky, PhD in Philology, Associate Professor, Deputy Director, Yanka Kupala Institute of Literature Belarusian Center for Cultural Studies, Language and Literature of the NAS of Belarus, Surganova 1/2, 220072 Minsk, Republic of Belarus.

E-mail: jaharad@mail.ru

В начале XX в., когда в мировой, в том числе в русской, литературе происходили сложные процессы освоения новых способов эстетического осмысления бытия, новых форм художественного выражения, белорусская литература еще только вступала на этот путь.

Впрочем, не все начиналось с «чистого листа». В своих истоках древняя белорусская литература тесно связана с опытом общей восточнославянской и церковнославянской письменности. Во времена Великого княжества Литовского она непосредственно соприкасалась с идеями и художественными концепциями европейского Возрождения. Таким образом, развитие литературы происходило под влиянием многообразных факторов, в сфере пересечения разновекторных культурных традиций.

Однако XVII–XVIII вв. оказались для белорусской литературы не слишком благоприятными. Ими, по существу, завершился богатый художественными свершениями многовековой процесс литературного развития, который, несмотря на определенную мозаичность и разнонаправленность, представлял собой целостное явление.

Лишь к XIX в. белорусская литература начала постепенно возрождаться. Самой характерной ее особенностью становится в это время ориентация на демократического читателя. Эпоха романтизма с его пристальным вниманием к народному мировоззрению и образу жизни, духовным, нравственным ценностям способствовала открытию мира народной фантазии, мифологических образов и сюжетов.

Известным литературоведом, академиком Национальной академии наук Беларуси В. Коваленко была впоследствии разработана концепция ускоренного развития белорусской литературы в XIX–XX вв., в которой основное

внимание уделялось ее взаимодействию с ментально близкими ей славянскими литературами, в первую очередь русской и польской. По мнению В. Коваленко, благотворное влияние этих литератур, как и мирового литературного процесса в целом, обусловило феномен ускоренного развития белорусской литературы, способствовало быстрейшему освоению ею художественных достижений эпохи, формированию разветвленной жанровой системы, оснований поэтики и стилистики [5].

Особенно значимым моментом, во многом предопределившим художественное развитие белорусской литературы в XX в., было снятие в 1905 г. с белорусского языка запрета на его использование в печати. Уже в следующем, 1906 г., появляются первые легальные белорусские общественно-политические газеты — «Наша Доля» и «Наша Нива», сыгравшие (особенно последняя) большую роль в консолидации национального самосознания и определении эстетического своеобразия молодой белорусской литературы. Вокруг редакции «Нашей Нивы» в основном объединяются все существовавшие на то время литературные силы.

Литература — при еще только формирующихся других национальных общественных институтах и структурах — в значительной степени берет на себя их функции. В определенном смысле она заменяет собою историю, социологию, идеологию, психологию и т. п. В 1900-е и 1910-е гг., когда за небольшой в историческом смысле срок белорусская литература смогла достичь классических вершин, ей довелось взять на себя во многом и литературоведческие, литературно-критические функции.

Полномасштабное развитие литературы в виде целостного литературного процесса началось внезапно, почти лавинообразно, хотя и подготавливалось исподволь на протяжении предыдущего столетия. Естественно, что литературоведческая, аналитическая традиция к этому моменту не успела в достаточной степени сложиться. В XIX в. исследования белорусской словесности были сосредоточены в основном на освоении фольклорного наследия, имели преимущественно народоведческий характер.

В ситуации, когда назрела необходимость осмысления новых процессов в литературе, определения ее магистрального пути, а литературная критика еще только зарождалась параллельно с самой литературой — в этой ситуации сами писатели обращают пристальное внимание на течение литературного процесса, на осмысление природы художественного творчества,

в первую очередь на особенности национального поэтического восприятия и мирозерцания. Показательно, что первую историю белорусской литературы написал Максим Горецкий, один из классиков белорусской прозы XX в. [3].

Для белорусской литературы начала XX в. становится актуальным средством самопознания художественная саморефлексия. Для авторов того времени характерна сосредоточенность на вопросах, связанных с природой художественного творчества, истоками и назначением искусства, характером его взаимодействия с действительностью. Это обуславливалось целым рядом причин. Пожалуй, самой главной из них была необходимость определения границ и возможностей искусства именно в тех специфических условиях восстановления активного литературно-художественного процесса, формирования новой литературы на новых социальных основаниях, с учетом изменившегося социального поля литературы, культурной парадигмы, новой общественно-политической ситуации. Первые шаги новой литературы в новых условиях ее существования должны были быть осознанными, осмысленными.

Второй причиной литературной саморефлексии, осмысления художественного опыта именно в самих литературных произведениях, было то, что в то время еще почти полностью отсутствовали литературная критика, литературоведческая наука, которые могли бы взять на себя эти задачи. Они находились пока что в зачаточном состоянии.

Историограф белорусского литературоведения и критики М. Мушинский отмечает как характерную особенность литературного процесса, что «в белорусской литературе начала XX в. множество стихов о поэте и поэзии, о роли поэта в общественной жизни и назначении художественного слова» [4, с. 70]. Это явление рассматривается им как неслучайное, закономерно вытекающее из той ситуации, которая складывалась на то время. «По сути мы имеем здесь дело с произведениями, в которых обосновывалась идейно-эстетическая программа, художественное кредо поэтов, которые осознавали себя представителями национальной литературы», — пишет М. Мушинский в «Истории белорусской литературы XX века». «То есть Купала и Колас, Богданович и Гарун средствами поэтического языка делали дело, которое должна была делать собственно литературная критика, призванная помочь самосознанию литературы» [4, с. 70]. Здесь речь идет о том, что аналитическую и интерпретационную миссию литературной критики возложила на себя поэзия, но, по сути, подобное явление распространялось и на все другие жанро-

вые разновидности молодой белорусской литературы. Просто, поэзия была тогда ведущим жанром, именно в поэтическом творчестве (в «песне») в сконцентрированном виде проявлялись самые актуальные эстетические, философские, общественные, моральные проблемы того времени, поэзия была ярчайшим выражением не только насущных забот и нужд общества, которое формировалось, но и исконных духовных ценностей народа, его художественных представлений, зафиксированных в образах, символах и архетипах, что имели глубокие исторические корни.

Нужно также учитывать то, что стремление национальной литературы к рефлексии над вопросами искусства находилось в русле общей тенденции мирового художественного развития. Роль художественной саморефлексии в литературе XX в. возросла весьма ощутимо, став одной из ее определяющих черт. В литературе конца XX в. эта характерная особенность приобретает иногда даже определенное негативное значение, во всяком случае воспринимается некоторыми критиками как не очень желательная. Невозможно сводить, заявляют они, все содержание и предмет литературы к одной теме, посвящая литературное произведение тому, как оно создается, сосредоточивая внимание исключительно на самом процессе творения. Критика видит в такой односторонней направленности выявление крайностей современной постмодернистской литературы.

В белорусской литературе внимательное отношение к проблемам творчества является одной из ее характерных признаков. Этот процесс художественного самоанализа, осмысления создателями литературных произведений самой природы художественного творчества имеет в истории белорусской литературы нового времени свои наиболее ярко выраженные периоды. В этом смысле наиболее характерными представляются два периода — начало XX в. и его завершение (стыки веков вообще являются чаще всего ярким выражением переходности в художественном развитии, выявлением наиболее характерных потенций).

Начало XX в. — исключительно важный период в истории белорусской литературы, оказавший мощное воздействие на всю ее дальнейшую историю, предопределивший во многом ее пути. Это время, которое справедливо называется эпохой национального Возрождения, характеризуется чрезвычайно активными социально-общественными и культурообразующими процессами. В художественном отношении он определяется заметным воздействием

неоромантизма, интенсивными и напряженными духовными, эстетическими, философско-нравственными поисками, попытками освоения эстетического пространства модернизма, становлением и укреплением реалистического направления. В это бурное время развития национальной литературы пристальное внимание к вопросам художественного творчества понятно и объяснимо.

Особенно замечателен пример Максима Богдановича, одной из самых ярких, в определенном смысле легендарных фигур в белорусской литературе нового времени. Поэт, привнесший в белорусскую поэзию гармоническую упорядоченность классических стихотворных форм, он оказал значительное влияние также на развитие белорусской прозы, литературоведения и критики первых десятилетий прошлого века. По существу, именно Максим Богданович с его литературными обзорами, аналитическими статьями, рецензиями стоит у истоков белорусского литературоведения и критики. Гениальный белорусский поэт, которому суждено было прожить всего лишь двадцать пять лет, с единственной изданной при жизни книгой вошедший в круг классиков, первым попытался осмыслить феномен ускоренного развития белорусской литературы в начале XX столетия. В данном случае мы имеем дело с воплощением в своеобразном единстве творческого и аналитического начал, с взаимодействием художественной рефлексии и саморефлексии (в поэзии М. Богдановича заметно проявляется рациональное начало).

М. Богданович придавал большое значение проблеме соотношения эстетического самосознания национальной литературы и ее взаимодействия с художественными традициями мировой литературы. За небольшой срок своего активного развития новая белорусская литература, и в первую очередь, безусловно, поэзия, по Богдановичу, «прошла все пути, а зачастую и тропки, которые поэзия европейская прокладывала более ста лет. Из наших стихотворений можно было бы легко создать “краткий повторительный курс” европейских писательских направлений последнего (т. е. девятнадцатого. — Е.Г.) века. Сентиментализм, романтизм, реализм и натурализм, наконец, модернизм — все это, иной раз даже в разнообразных течениях, отразила наша поэзия» [1, с. 287] — с воодушевлением отмечает М. Богданович. Правда, тут же оговаривается, что при таком *ускоренном* освоении неизбежны определенные издержки. Литература отразила основные тенденции и направления в мировой культуре, но в силу обстоятельств вынуждена была осваивать их «бегло, неполно». И все же сама возможность, сам факт такого освоения мирового

художественного опыта литературой, которая еще совсем недавно являла собой своеобразный «андеграунд», представляются одному из белорусских классиков необычайно существенными.

Если проблема соотношения *своего* и *заимствованного* в связи с выбором белорусской литературой путей дальнейшего развития представлялась для ее создателей одной из самых актуальных, то еще более злободневной в начале XX в. являлась для них проблема поиска оптимального соединения социальной, демократической направленности литературы с возрастающими эстетическими запросами читающей публики.

Формирующаяся в XIX в. вокруг идеи служения народу, возвращения ему давних долгов, новая белорусская литература осознает в качестве одной из важнейших задач, стоящих перед ней, определение реального соотношения между социальным и эстетическим. Ее дальнейший путь будет пролегать между этими Сциллой и Харибдой всякого художественного процесса.

Собственно, никто из творцов новой белорусской литературы в преддверии бурных событий XX в. не сомневался в том, что осознание своего гражданского долга — необходимейшее качество художника. В то же время оставался открытым практический вопрос о степени включенности в социально ориентированные интенции писателей новых эстетических, художественных форм, философско-нравственных представлений. Как раз по отношению к этому вопросу и обозначились в 1910-е гг. определенные расхождения в позициях участников белорусского художественного процесса.

В 1913 г. на страницах газеты «Наша Нива» прошла дискуссия о перспективах развития белорусской литературы в XX в., в ходе которой были довольно отчетливо заявлены основные точки зрения на волнующую проблематику. Дискуссия стала знаменательным явлением в истории белорусской литературы, сохраняющим определенное значение до настоящего времени. Это один из узловых моментов становления белорусской литературно-аналитической мысли, оказавший существенное влияние на последующие литературоведческие концепции.

Дискуссия в «Нашей Ниве» началась статьей Вацлава Ластовского, упрекавшего белорусских писателей в том, что они, по его мнению, не привлекают внимание своего читателя к красоте окружающего мира, сосредоточиваясь исключительно на социальных проблемах. Оппоненты, отвечая В. Ластовскому, ссылались на то, что гражданское служение художника своему народу

на данный момент является *первоочередной* задачей, что «петь веселые песни» в то время, когда стонет народ, является нравственно ущербным занятием. Когда будет снято с народа ярмо социального угнетения, только тогда можно будет позволить себе обратиться к воспеванию красот природы.

Если исходить из формальных результатов, то последнее слово в дискуссии осталось за теми, кто ставил на первое место не художественные поиски, а гражданский долг писателя. И в дальнейшем развитии белорусской литературы это направление на многие десятилетия стало приоритетным, соединив в себе демократические устремления «открывателей народа» XIX в. с идеологическими установками теории соцреализма.

Однако положительный результат обсуждения проблемы соотношения эстетического и гражданского состоял все-таки в другом. Поднятые вопросы все же не повисли в воздухе, дискуссия вызвала определенный отзвук непосредственно в самой литературе. Некоторые авторы по каким-то причинам не смогли или не посчитали необходимым принять прямое участие в дискуссии, но отозвались на нее своими произведениями. Одним из таких ответов был рассказ-притча М. Богдановича, написанный в форме апокрифа.

В «Апокрифе» по белорусской земле в сопровождении апостола Петра и святого Юрия (высоко чтимого белорусами) проходит Иисус Христос. По своему виду они не отличаются от крестьян, которые во время страды заняты тяжелым трудом, — босы, одеты в крестьянские свитки. К ним подходит единственный человек, не занятый трудом, деревенский музыкант. Музыкант ощущает себя лишним среди людей, занятых добыванием хлеба насущного. С этими своими сомнениями он и обращается к Христу. «Стыдно мне, — говорит он, — ибо сегодня день труда и все обихаживают землю; один я жалкий человек» [1, с. 50].

Необходимо заметить, что в белорусском фольклоре и в близких к нему литературных течениях XIX–начала XX вв. музыкант («музыка») чаще всего предстает символическим воплощением образа творца, народного певца, «*песняра*», традиционное предназначение которого заключается в том, чтобы разогнать печали труженика, помочь ему хоть на короткое время забыть о своих нуждах и горе. Еще более существенна его роль как выразителя народных чаяний, народного заступника.

Музыкант М. Богдановича заметно выделяется из этой традиции. Ни утешать страждущих, ни забавлять трудящихся он не может, не причинив

самому себе моральной травмы. «Стыдно мне» — этот нравственный императив лежит в основе противоречия между служением искусству и служением обществу, которое представляется неразрешимым не только для героя «Апокрифа» М. Богдановича, но и для большинства белорусских писателей начала XX в. «И ноты веселые стыдно брать музыкантам» [8, с. 50] — напишет в стихотворении «Небывалые времена», датированном 1905-м годом, Тетка (Алоиза Пашкевич), одна из самых чутких к проблемам своего времени поэтесс.

Что же отвечает Христос на жалобы музыканта? Он обращает внимание на то, что жизнь народа неразрывно связана с искусством, в частности с песней. Под пение человек приходит в этот мир и под пение уходит из него. Но, учитель, обращается к нему апостол Петр, жизнь этих людей настолько тяжела, что они порой не имеют корки хлеба. Разве им в таком положении до песен? На что Христос отвечает: неужели нужно их, терпящих жестокие жизненные тяготы, лишать еще и красоты? Петр продолжает спорить с учителем. Пусть тогда, говорит он, в песнях кроме красоты будет еще и польза для души, «мысли добрые и поучительные».

Несомненно, что взгляды, выражаемые Петром в рассказе М. Богдановича, сходны с позицией некоторых участников «нашенивской» дискуссии. Именно для них звучит ответ Христа: «Нет красоты без добра, ибо сама красота и есть добро для души» [1, с. 51]. Оглянитесь вокруг, говорит Иисус, посмотрите на колышущиеся хлеба. Среди колосьев растут васильки. И труженик не вырывает их, как сорняки, потому что душа его отзывчива на красоту.

«Я же говорю вам, — заключает Христос свое поучение, — хорошо быть колосом; но счастлив, кому дано быть васильком. Ибо зачем колосья, если нет васильков?» [1, с. 52].

Таким образом, М. Богданович, используя притчу, заявляет о своей позиции в споре: противопоставления эстетического и социального вообще не должно быть, красота — неотъемлемая часть жизни любого человека, и художник не слуга и не изгой, а полноправный член общества.

Почему М. Богданович не принял непосредственного участия в дискуссии, не высказал свои мысли в ходе обсуждения вопросов, которые, несомненно, занимали его на протяжении всей творческой жизни? На это есть несколько ответов. Во-первых, не совсем простыми были его взаимоотношения с редакцией «Нашей Нивы», если принять во внимание первоначальные трудности с публикацией там его произведений. Некоторые сотрудники редакции

воспринимали молодого поэта как эстета и даже декадента. Во-вторых, для М. Богдановича как раз более характерен именно такой способ выражения своих эстетических взглядов — через образы и мотивы своих поэтических и прозаических произведений.

Художественная саморефлексия издавна присуща белорусской словесности. Но наиболее выразительно она проявилась в начале XX в., в период формирования новых принципов и способов художественного выражения. И на протяжении всего XX в. не ослабевал интерес белорусских писателей к проблемам творчества. Новая белорусская литература стремилась к овладению сложной художественной формой, к жанровому и стилевому разнообразию. Оставаясь в глубинной своей сути верной генетическому коду, сформированному столетиями предыдущего развития и отражающему мировоззренческие приоритеты и модели эстетического восприятия, белорусская литература в то же время чутко реагировала на глобальные философско-эстетические метаморфозы, характерные для мирового художественного процесса.

Классики белорусской литературы Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович стремились проследить и осмыслить процесс словесного творчества, определить его механизмы, обозначить ориентиры и перспективы дальнейшего развития национальной литературы. Они исходили из основополагающей мысли о первичности жизненного опыта, его определяющем значении в формировании художественного мировоззрения. Вера в необычайную мощь художественного слова у белорусских авторов первых десятилетий XX в. зиждется на убежденности в неиссякаемости его основного источника — жизни, осуществляющейся по извечным природным законам. Сама здешняя земля, сама жизнь рождает поэзию — такова концептуальная метафора, широко распространенная в произведениях белорусской литературы.

Знаковое для белорусской литературы произведение, в котором осмысливаются пути искусства, — поэма Якуба Коласа «Сымон-музыкант» предвзвешена авторским вступлением, где в образной форме выражено понимание поэтом характера соотношений и взаимодействия мира реального и мира художественного. Поэт на протяжении всей жизни собирает бесценное сокровище («скарб»), он тысячами нитей, «из которых жизнь основана и соткана, и бытие с небытием соединены» [6, с. 5], связан со всем сущим. Миссия художника, по существу, заключается в возвращении миру взятого у него «в долг». Преобразованный, внутренне пережитый жизненный и эстетический опыт,

осуществляясь в произведении, вновь возвращается к своим истокам, становится осязаемым и представимым в художественной форме.

Герой повести Змитрока Бедули «Соловей» (тоже, кстати, Сымон) мечтает о том, чтобы собрать воедино все «голоса земли», стать хотя бы на короткий миг властелином всего многообразия звучащей жизни, чтобы затем «понемногу, капельками, выпускать их оттуда» [2, с. 14], возвращать миру его сущность — в художественно освоенном и преображенном виде.

Лирический герой Янки Купалы в стихотворении «Моя наука» находит утешение в том, что вместо «книжной премудрости» его «обучали» белорусские просторы («восходы полей и селений реченья / науку свою приносили мне в дар») [7, с. 67]. Жизненная практика, обусловленная нравственными и мировоззренческими ориентирами, активно проникает в эстетическую сферу, воздействует на характер поэтики, стилевое своеобразие. Созревающие хлеба, цветущий в солнечном блеске луг, журчащая речушка — все у Купалы оказывает воздействие на размеренное течение его стиха, упорядоченность ритма, «гармонию вводит в распевном звучаньи» [7, с. 67].

Художественный мир Янки Купалы, в котором по-своему преломляются импрессионистические, символистские и неароматические стилевые признаки, прочно соотносится с реальной жизнью. Однако это именно мир художественный, т. е. организованный по художественным законам. В нем стихийность субъективных ощущений, эмоциональность поэтических устремлений уравниваются динамичной, но одновременно и четко структурированной формой художественного воплощения.

Социальное и эстетическое активно взаимодействуют как раз в том случае, если художественная форма предстает как действующий фактор воздействия на сознание читателя, если она выполняет не только свои специфические функции художественного выражения, но и является основой для расширения духовных и мировоззренческих перспектив реципиента. Особый эффект от взаимодействия социальных и эстетических, художественных аспектов поэтического творчества наблюдается, по нашему мнению, тогда, когда есть основания говорить о проявлении классического стиля в поэзии.

Белорусская поэзия классического типа формировалась как раз в то время, когда реалистичный стиль входил в активное взаимодействие со стилями иной направленности. Однако при этом сохранялась в качестве определяющей сущностная особенность этого течения, а именно ее жизнетворящий

потенциал, позитивная направленность на утверждение важнейших духовных и нравственных ценностей, на поиски прочной экзистенциальной опоры в жизни человека.

Мировоззренческие установки выражались не только в непосредственно сформулированном и выраженном в поэтическом дискурсе виде, но и через художественную форму, ритмико-интонационную организацию поэтического выражения, звукозапись. Некоторые исследователи, к сожалению, не обращают должного внимания на это обстоятельство. Поэтому для них принадлежность того или иного поэтического произведения, или творчества автора в целом, к определенному художественному направлению и стилевому течению определяется исключительно тем, что непосредственно выражается автором или лирическим героем.

Белорусская классическая поэзия, становление которой происходило в условиях активизации в мировом литературном процессе авангардистских и модернистских тенденций, оказывала воздействие на сознание и мировоззрение своего читателя не в последнюю очередь и своей формой, способом структурной организации жизненного и художественного материала. И в этом плане позитивное воздействие художественной формы исходило не только от М. Богдановича, усилия которого были сосредоточены на доведении формальных компонентов стиха до предельной степени совершенства, но и от Янки Купалы, Якуба Коласа, Алеся Гаруна, Змитрока Бедули и других поэтов, которые утверждали своим творчеством принципы отношения к классическому стиху как способу поэтического выражения.

К концу XX в. белорусская литература пришла обогащенной значительным опытом, с крупными художественными достижениями во многих жанрах. Но ситуация опять оказалась непростой. Снова возникают вопросы о сущности и предназначении словесного искусства, его роли в обществе. В белорусской литературе активизируются поиски самоидентификации. Заявляют о себе новые литературные группировки, которые определяют свое отношение к литературной практике, общественным и эстетическим взглядам своих предшественников. Нередко представителей старших поколений упрекают в конформизме, в излишней социологизации. Высказывается мнение, что литература должна быть в первую очередь искусством, что важнее всего ее эстетические качества. Как видим, в чем-то эти новые споры напоминают старые.

Опыт художественной саморефлексии в белорусской литературе начала XX в., осмысления ею своих возможностей и перспектив, остается актуальным и в наше время. В частности, представляется перспективным подход к литературному творчеству не только как самовыражению художника, но и проявлению его нравственно-философских исканий, видения мира во всем его многообразии и сущностной определенности.

Список литературы

- 1 *Багдановіч М.* Поўны збор твораў: у 3 т. Мінск: Беларуская навука, 1993. Т. 2. 461 с.
- 2 *Бядуля Змітрок.* Збор твораў: у 5 т. Мінск: Мастацкая літаратура, 1987. Т. 3. 358 с.
- 3 *Гарэцкі М.* Гісторыя беларускае літаратуры. Выданьне чацьвертае пераробленае. Менск: Дзяржаўнае Выдавецтва Беларусі, 1926. 256 с.
- 4 Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Ададзяленне гуманітарных навук і мастацтваў ордэна Дружбы народаў Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы. Мінск: Беларуская навука, 1999. Т. 1: 1901–1920. 583 с.
- 5 *Каваленка В.А.* Вытокі. Уплывы. Паскоранасць. Развіццё беларускай літаратуры XIX–XX стагоддзяў. Мінск: Навука і тэхніка, 1975. 333 с.
- 6 *Колас Якуб.* Новая зямля; Сымон-музыка: паэмы. Мінск: Юнацтва, 1990. 270 с.
- 7 *Купала Янка.* Поўны збор твораў: у 9 т. Мінск: Маст. літ., 1997. Т. 4: Вершы, пераклады 1915–1929. 445 с.
- 8 *Цётка.* Творы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1976. 302 с.

References

- 1 Bahdanowich M. *Pouny zbor tworau u 3 t.* [Complete collected works: in 3 vol.]. Minsk, Belaruskaja navuka Publ., 1993. Vol. 2. 461 p. (In Belorussian)
- 2 Biadulia Zmitrok. *Zbor tworau u 5 t.* [Collected works: in 5 vol.]. Minsk, Mast. lit. Publ., 1987. Vol. 3. 358 p. (In Belorussian)
- 3 Haretski M. *Historyya belaruskaye litaratury* [History of Belarusian Literature]. Vydan"ne chac"vertae peraroblenae. Minsk, Dzjarzhawnae Vydavectva Belarusi Publ., 1926. 256 p. (In Belorussian)
- 4 *Historyya belaruskay litaratury XX stahoddzia u 4 t.* [History of the 20th century Belarusian Literature century: in 4 vol.], Nacyjanal'naja akademija navuk Belarusi, Addzjalenne gumanitarnyh navuk i mastactvaw ordjena Druzhyby narodaw Instytut litaratury imja Janki Kupaly. Minsk, Belaruskaja navuka Publ., 1999. Vol. 1: 1901–1920. 583 p. (In Belorussian)
- 5 Kawalenka W.A. *Wytoki. Uplywy. Paskoranasc. Razwiccio belaruskay litaratury XIX–XX stahoddziau* [Origins. Influences. Acceleration. The development of Belarusian literature in the 19th–20th centuries]. Minsk, Navuka i tjehnika Publ., 1975. 333 p. (In Belorussian)
- 6 Kolas Yakub. *Novaja zjamlja; Symon-muzyka: pajemy* [New land; Symon-Musician: Poem]. Minsk, Junactva Publ., 1990. 270 p. (In Belorussian)
- 7 Kupala Yanka. *Pouny zbor tworau u 9 t.* [Complete collected works: in 9 vols.]. Minsk, Mast. lit. Publ., 1997. Vol. 4: Vershy, peraklady 1915–1929 [Poems, translations (1915–1929)]. 445 p. (In Belorussian)
- 8 Tsiotka. *Twory* [Works]. Minsk, Mast. lit. Publ., 1976. 302 p. (In Belorussian)